

В. С. Кузнецов

*Институт Дальнего Востока РАН
Нахимовский пр., 32, Москва, 117997, Россия*

ifes@ifes-ras.ru

ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬ КАШГАРСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ

Статья посвящена историко-культурной деятельности консула России в Кашгаре Н. Ф. Петровского. Отмечается тенденциозность оценок его западными специалистами по истории Восточного Туркестана. Между тем ему принадлежит честь первооткрывателя прошлого этого края и пионера решения сложных проблем археологии и духовной жизни аборигенного населения. Он не ограничился сбором отдельных предметов древностей, как это делалось до него, а начал систематическое коллекционирование их. Обследовал и описал городской массив Хануй, представил его крепостью и центром ремесленного производства. Изучил буддийский культовый памятник Учма-Раван и засвидетельствовал культурную общность тюркоязычного населения Кашгара и Западной Азии. Подтвердил использование в государствах Западного края не китайских, а собственных золотых и серебряных монет.

Н. Ф. Петровский предоставлял исследователям Восточного Туркестана весомые свидетельства того, что древние обитатели региона использовали свою письменность. К одной из интереснейших находок относится манускрипт, выполненный загадочными литерами. При получении этой рукописи С. Ф. Ольденбург писал, что, несмотря на сходство отдельных букв с известными образцами северо-индийских писем, рукопись Петровского содержит ранее не встречавшийся алфавит. Прошлое Восточного Туркестана для Н. Ф. Петровского не сводилось лишь к выявлению и описанию вещественных памятников. В этой связи примечательно обращение консула к топонимике, на основе анализа которой он высказал любопытные суждения по сакской проблеме. Так, в названии Сакал-Таш он усматривал отзвук пребывания в этом месте саков.

Н. Ф. Петровский, как человек, заслужил уважительное отношение местного населения, что подтвердил в своих записках Свен Гедин. О его справедливости знали даже жители самых глухих деревушек на территории Синьцзяна.

Ключевые слова: Восточный Туркестан, Кашгар, нумизматика, крепости, этническая история, буддизм, экспедиции, Центральная Азия.

На страницах научных и популярных изданий, выходящих на западе, периодически упоминается имя Н. Ф. Петровского, российского генерального консула в Кашгаре (1883–1904). Суждения о нем неоднозначны. В массовых изданиях из публикаций показательна с точки зрения своей тенденциозности статья в журнале «Шпигель» [Terzani, 1983. S. 216]. Для ее автора Н. Ф. Петровский лишь законспирированный исполнитель коварных замыслов царской России в отношении Китая. В этом Т. Терзани отнюдь не оригинален. В том же духе о нем в свое время отзывался патологически злобствующий русофоб Г. Дизи. Не довольствуясь тем, что произвольно изобразил его деятельность как своего рода царского сатрапа в Кашгарии, он представил западноевропейскому читателю личность консула в карикатурном виде, назвав его узколобым русским чиновником с низким интеллектуальным уровнем [Deasy, 1901. P. 293–294].

По иному предстает Н. Ф. Петровский со страниц книги Дж. Дэббса, посвященной научным исследованиям в Восточном Туркестане. Для него русский консул – ученый муж, приветствовавший научные изыскания на территории Кашгарии. Конкретно это проявлялось

Кузнецов В. С. Первооткрыватель кашгарских древностей // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 4: Востоковедение. С. 87–92.

в том, что Н. Ф. Петровский оказывал всемерное содействие иностранным путешественникам, приезжавшим в Восточный Туркестан с научными целями: «В 1887 г. русский консул в Кашгаре поставил памятник Адольфу Шлангинтвейту¹, отметил его гибель 26 августа 1857 г. как жертву географическим знаниям» [Dabbs, 1963. P. 39].

Справедливости ради надо подчеркнуть, что Н. Ф. Петровский был непосредственно сопричастен к изучению прошлого Кашгарии и является, по существу, пионером в этом деле. Данное обстоятельство следует отметить особо, так как в зарубежной литературе в целом имеют место попытки принизить или замолчать вклад русских ученых в изучение прошлого Центральной Азии. Так, А. Торнер представляет дело так, что, по существу, археологические памятники Синьцзяна стали известны миру главным образом благодаря изысканиям Стейна, Грюнведеля и Лекока (см.: [Lattimore, 1953. P. 223]). Однако еще до того, как А. Стейн предпринял раскопки в Восточном Туркестане, систематическое изучение древностей Южного Синьцзяна уже было начато Н. Ф. Петровским. «Во времени его поселения в Кашгаре мало было еще известно о древностях в Китайском Туркестане, существовали только отдельные случайные заметки членов миссии сэра Д. Форсайта и некоторых других англичан, главным образом, ими же были вывезены отдельные предметы древности. Были, наконец, литературные упоминания о памятниках старины в Западном Китае, но никем еще не была сделана попытка начать систематическое собирание древностей и исследование того, что еще осталось в стране от прежних культур. Николаю Федоровичу Петровскому принадлежит громадная заслуга в этом деле: он первый, насколько ему только позволяли его сложные и трудные занятия по Кашгарскому консульству, стал последовательно собирать все относящиеся к прошлому края» [Ольденбург, 1910. С. 5].

Пренебрегая отдыхом, слабый здоровьем, он отдавал часы досуга поискам и изучению памятников прошлой культуры Кашгарии. Н. Ф. Петровский обследовал и впервые описал остатки громадного городского массива Хан-уй в окрестностях Кашгара. Хан-уй, как он описывает развалины, поражают своим величием и разнообразием построек. Вот руины двух однотипных строений, своеобразных по устройству. В них словно содержали бесчисленное количество голубей. Отсюда и их название – Каптар-хана. О том, что старый город был не только городом, но и крепостью, напоминали развалины Гиссар-Тама, цитадели со следами рвов. Город опоясывали мощные стены. Сложены они были из больших земляных кирпичей, залитых прекрасной, твердой, как камень, глиной. В углу остатков двух крепостных стен – немое свидетельство о былых обитателях Хан-уя. Здесь покоились останки внуки Сатук-Богра-хана, первого кашгарского хана, принявшего ислам. Известный Якуб-бек, в 1860-х гг. создавший в Кашгарии государство Йутишаар, приказал построить на этом месте мазар, отдавая тем самым дань уважения правящему дому бывшего государства в Кашгарии [Петровский, 1896а. С. 153].

Хан-уй, судя по находкам консула, был значительным центром ремесленного производства. Местные мастера выделывали тонкое разноцветное стекло: белое, черное, синее, зеленое. Стекланные изделия покрывались краской или мастикой перламутрового цвета. На основании обследования Хан-уя Н. Ф. Петровский заключил, что в древности на территории Восточного Туркестана, вероятно, существовали самостоятельные центры стекольного производства: «Трудно представить, что такая масса весьма тонкого и хрупкого стекла привезена была или привозилась в Кашгарию откуда-нибудь издалека, вероятнее допустить, что стекло это приготавливалось на месте. Окарины от плавильных (кажется) печей, которые встречались на указанных местностях, как будто подтверждают эту догадку» [Там же. С. 154].

Именно Н. Ф. Петровскому принадлежит заслуга обследования культового памятника Учма-Раван, или Саньшаньдун, в горах в окрестностях Кашгара. В большой пещере, доступ куда был еще через три галереи, взору человека предстает в сидячем положении фигура Будды. «Памятник оказался несомненно буддийским, следовательно существование в Кашгаре буддизма, о чем уже было известно из рассказов китайских путешественников, подтверждается еще новым фактом» [Петровский, 1893а. С. 298–299]. При этом исследователь подчерк-

¹ Адольф Шлангинтвейт погиб во время антиправительственного выступления в Кашгарии. Китайские власти отказали в просьбе Н. Ф. Петровского поставить памятник на месте гибели немецкого ученого, и монумент был установлен на местном русском кладбище [Dabbs, 1963. P. 39].

нул весьма примечательную деталь. Изваяние было обмазано глиной с мелкорубленной соломой. Это обычный способ штукатурки, применявшийся жителями Бухары, Ташкента и уйгурами Кашгарии [Там же. С. 300]. Отмеченное обстоятельство явилось еще одним весомым свидетельством культурной общности тюркоязычного населения Синьцзяна и Западной Азии. Сообщение Н. Ф. Петровского о найденном им буддийском памятнике вызвало живой интерес востоковедов. В частности, на то не замедлил откликнуться профессор восточного факультета Петербургского университета А. О. Ивановский [1893], который особо акцентировал то обстоятельство, что в двух китайских сочинениях нашел упоминание о буддийской пещере около Кашгара.

В китайских сочинениях, посвященных Восточному Туркестану, встречаются сведения о том, что в государствах, существовавших в древности на территории Западного края, имела хождения золотая и серебряная монета [Циньдин..., 1782. Цз. 44]. Данные эти нашли подтверждение благодаря инициативе Н. Ф. Петровского [1896б. С. 269], который обратил внимание археологов на соответствующие находки местных жителей. Монеты эти не могли попасть сюда из Китая, где, как известно, в Древности и Средневековье не чеканили деньги из драгоценных металлов. Притом на монетах, встречающихся в Кашгарии, были выбиты арабские письмена. Среди них особый интерес вызывают загадочные монеты из красной меди с надписью «зарби Яркенд» [Петровский, 1893б. С. 309]. По поводу техники монетного дела у древних жителей Восточного Туркестана Н. Ф. Петровский, изучив нумизматические материалы, найденные вблизи мазара Хазрат-Аппак Ходжи, писал следующее: «Позволю себе высказать, по поводу этих монет, догадку: судя по форме, монеты изготовлялись из медных прутьев; на них выбивались разные знаки достоинства монеты, концы прутьев ущемлялись каким-то инструментом в роде того, который употребляется теперь для таможенных и других пломб, затем прутья рубили на части» [Петровский, 1896а. С. 155].

У древних насельников Восточного Туркестана была своя письменность. Новые свидетельства тому также представил Н. Ф. Петровский. Так, в частности, он прислал С. Ф. Ольденбургу манускрипт, выполненный неведомой письменностью. По ознакомлении с этой рукописью тот писал: «Несмотря на сходство форм отдельных букв с известными нам образцами северо-индийских письмен, рукопись Н. Ф. Петровского заключает в себе новый, доселе не встречавшийся алфавит, объяснение которого может внести новые и интересные данные в области индийской палеографии» [Ольденбург, 1893. С. 82].

Прошлое Восточного Туркестана для Петровского не сводилось лишь к выявлению и описанию разного рода вещественных памятников. Его живо интересовали сложные проблемы этнической истории, духовной жизни древнего населения бассейна р. Тарим. В этой связи характерно обращение консула к топонимике, когда он пытается высказать суждения по сложной сакской проблеме. В названии развалин Сакал-Таш он усматривал отзвуки пребывания саков.

О Н. Ф. Петровском как человеке уважительно отзывалось местное население, о чем свидетельствует известный путешественник С. Гедин [1899. С. 172]. Добрую память о нем оно сохранило надолго: «Если русскому путешественнику по пустыням и оазисам Китайского Туркестана случается разговаривать с местными жителями, то часто даже в глухой деревушке слышите вопрос: “А Вы знаете генерала Петровского? Это такой большой человек и такой справедливый”. И на ответ, что он умер, глубокое и искреннее сожаление: “Мы вот не русские, а нам жаль его”» [Ольденбург, 1910. С. 82].

Первый российский консул в Кашгаре был среди исследователей, положивших начало профессиональному освоению древних сокровищ Восточного Туркестана. В свое время И. П. Минаев писал: «...вся страна от Лоб-нора до Хотана ждет специальных разысканий в историко-археологическом отношении. Станем надеяться, что почин в этом деле выпадет на долю русских путешественников и ориенталистов» [1889. С. 189].

Надежды эти оправдались. «Русскому исследователю Н. Ф. Петровскому принадлежит честь открытия целого ряда любопытнейших памятников древних культур в Кашгаре», – было написано в редакционном предуведомлении о начале публикаций его статей и заметок [Петровский, 1896а. С. 147]².

² К сказанному можно добавить, что работы Н. Ф. Петровского сохраняют свою актуальность и для современной науки, изучающей древности Синьцзяна. Свидетельством тому может служить ряд публикаций материалов

Список литературы

- Гедин С.* В сердце Азии: путешествие С. Гедина в 1883–1897 гг. / Пер. с нем. А. Ганзен, П. Ганзена. СПб.: Изд. А. Ф. Девриена, 1899. Т. 1. 503 с.
- Ивановский А. О.* Еще о буддийской пещере около Кашгара // Зап. Вост. отд-ния Имп. Рус. археол. об-ва. 1893. Т. 7, вып. 1–4. С. 322.
- Минаев И. П.* Забытый путь в Китай // Журн. Мин-ва нар. просвещения. 1889. № 7. С. 168–189.
- Ольденбург С. Ф.* Кашгарская рукопись Н. Ф. Петровского // Зап. Вост. отд-ния Имп. Рус. археол. об-ва. СПб., 1893. Т. 7, вып. 1–4. С. 81–82.
- Ольденбург С. Ф.* Памяти Николая Федоровича Петровского // Зап. Вост. отд-ния Имп. Рус. археол. об-ва. СПб., 1910. Т. 20, вып. 1. С. 1–8.
- Петровский Н. Ф.* Буддийский памятник близ Кашгара // Зап. Вост. отд-ния Имп. Рус. археол. об-ва. 1893а. Т. 7, вып. 1–4. С. 298–301.
- Петровский Н. Ф.* Загадочные яркендские монеты // Зап. Вост. отд-ния Имп. Рус. археол. об-ва. 1893б. Т. 7, вып. 1–4. С. 307–310.
- Петровский Н. Ф.* Заметки о древностях Кашгара. Вып. 1. Хан-Уй // Зап. Вост. отд-ния Имп. Рус. археол. об-ва. 1896а. Т. 9, вып. 1–4. С. 147–155.
- Петровский Н. Ф.* Буразан: Донесение хотанского торгового агента Абду-с-Саттара Н. Ф. Петровскому // Зап. Вост. отд-ния Имп. Рус. археол. об-ва. 1896б. Т. 9, вып. 1–4. С. 287–289.
- Петровский Н. Ф.* Туркестанские письма / Под ред. В. С. Мясникова, сост. В. Г. Бухерт. М.: Памятники исторической мысли, 2010. 358 с.
- Dabbs J.* History of the Discovery and Exploration of Chinese Turkestan. The Hague: Mouton, 1963. 255 p.
- Deasy H. H. P.* Tibet and Chinese Turkestan: Being the Record of Three Years exploration. L.: T. Fisher Unwin, 1901. 420 p.
- Lattimore O.* Pivot of Asia: Sinkiang and the Inner Asian Frontiers of China and Russia. Boston: Little, Brown, 1950. 288 p.
- Terzani T.* Ein Herz nur gab Allah dem Menschen // Der Spiegel. 1983. Nr. 45. S. 211–229.
- Циньдин хуаньюй сиюй тучжи [钦定皇舆西域图志]. Высочайше утвержденное иллюстрированное описание государева Западного края. Пекин, 1782. 48 цз.

Материал поступил в редколлегию 03.10.2013

Vyacheslav S. Kuznetsov

*Institute for Far Eastern Studies of RAS
32 Nakhimovskiy Prospect, Moscow, 117997, Russian Federation*

ifes@ifes-ras.ru

THE DISCOVERER OF KASHGAR ANTIQUITIES

This article is devoted to historical and cultural activities of N. F. Petrovskiy, the consul of Russia in Kashgar. The author notes the tendentiousness of appraisals on the history of Eastern Turkestan. Nevertheless, to him belongs the honour of the discoverer of the past of this territory and the pioneer in solution of complicated problems of archaeology and spiritual life of its aboriginal population. He did not limit himself only to the collection of separate articles of antiquities, as it had

Н. Ф. Петровского в 2000-е гг., но прежде всего – великолепное издание тома «Туркестанских писем» под редакцией академика В. С. Мясникова, в которых наибольшее внимание уделено именно историко-культурной и археологической проблематике (см.: [Петровский, 2010]). – *Примеч. ред.*

been done before, and he began his own rather systematic collecting of them. He investigated and described abandon town housing area Khan-uy, represented it as a fortress and the centre of handicraft production, as well as made close study of the Buddhist cult monument Uchma-Ravan and certified the cultural common character of the Turkic languages population in Kashgar and Western Asia. He also confirmed use in the states of Western Region not the Chinese but their own gold and silver coins.

N. F. Petrovskiy gave investigators of the Eastern Turkestan the striking illustration of the fact that ancient inhabitants of the region used their own written language. To one of his most interesting finds the manuscript executed by mysterious letters refers. When academician S. F. Oldenburg had received this manuscript, he wrote: «In spite of likeness of forms of some letters with known to us samples of North-Indian letters, the manuscript of N. F. Petrovskiy contains in itself the new alphabet which, and it is possible, will introduce interesting information into the sphere of Indian paleography». The Past of Eastern Turkestan for N. F. Petrovskiy did not come only to exposure and description of any kind of material things and sites. In this connection, the Russian consul's interest to toponymy (place-name study) is notable. Using it, he, in particular, said about curious opinions on the Saka problem. So in the name Sakal-Tash he perceived echo of the permanent residence of Saka tribes in that place.

N. F. Petrovskiy, as a person, won respectful relations to himself on the local population's side. And this was confirmed of memoirs by S. Hedin. Even in the remotest depths of Xinjiang province it was possible to hear: «Do you know General Petrovskiy? He is such a great man and such a just one». This opinion is very essential, especially taken in compare with attitude of aborigines to other foreigners which was quiet far from benevolent.

Keywords: Eastern Turkestan, Kashgar, numismatics, fortresses, ethnic history, Buddhism, expeditions, Central Asia.

References

Hedin S. V serdtse Azii: Puteshestviya S. Hedina v 1883–1897 gg. [In the Heart of Asia: The Travel of S. Hedin in 1883–1897 / Transl. from German by A. Hansen, P. Hansen]. St.-Petersburg, A. F. Devrien Publ., 1889, vol. 1, 503 p.

Ivanovskiy A. O. Esshe o buddiyskoy pesshere okolo Kashgara [Once Again about the Buddhist Cave Near Kashgar]. *Proc. of the East Department of the Emperor's Russian Archaeological Society*, 1893, vol. 7, iss. 1–4, p. 322.

Minaev I. P. Zabytyiy put' v Kitay [The Forgotten Way to China]. *J. of the Ministry of People's Education*, 1889, № 7, p. 168–189.

Ol'denburg S. F. Kashgarskaya rukopis' N. F. Petrovskogo [The Kashgar Manuscript of N. F. Petrovskiy]. *Proc. of the East Department of the Emperor's Russian Archaeological Society*, 1893, vol. 7, iss. 1–4, p. 81–82.

Ol'denburg S. F. Pamyati Nikolaya Fedorovicha Petrovskogo [In Memorium of Nikolay Fedorovich Petrovskiy]. *Proc. of the East Department of the Emperor's Russian Archaeological Society*, 1910, vol. 20, iss. 1, p. 1–8.

Petrovskiy N. F. Buddiyskiy pamyatnik bliz Kashgara [The Buddhist Monument Near Kashgar]. *Proc. of the East Department of the Emperor's Russian Archaeological Society*, 1893a, vol. 7, iss. 1–4, p. 298–301.

Petrovskiy N. F. Zagadochnye yarkendskie monety [The Mysterious Yarkend's Coins]. *Proc. of the East Department of the Emperor's Russian Archaeological Society*, 1893b, vol. 7, iss. 1–4, p. 307–310.

Petrovskiy N. F. Zametki o drevnostyakh Kashgara [Notes about Antiquities of Kashgar]. *Proc. of the East Department of the Emperor's Russian Archaeological Society*, 1896a, vol. 9, iss. 1–4, p. 147–155.

Petrovskiy N. F. Burazan: Doneseniye khotanskogo trgovogo agenta Abdu-s-Sattara N. F. Petrovskomu [Burazan: The Report of the Khotan Trade Agent Abdu-s-Sattar to N. F. Petrovskiy]. *Proc. of the East Department of the Emperor's Russian Archaeological Society*, 1896b, vol. 9, iss. 1–4, p. 287–289.

Petrovskiy N. F. Turkestanskiye pis'ma [The Turkestan Letters]. Editor-in-chief academician V. S. Myasnikov; compiled by V. G. Bukhert. Moscow, The Monuments of Historical Thoughts Publ., 2010. 358 p.

Dabbs J. History of the Discovery and Exploration of Chinese Turkestan. The Hague, Mouton, 1963. 255 p.

Deasy H. H. P. Tibet and Chinese Turkestan: Being the Record of Three Years Exploration. London, T. Fisher Unwin, 1901, 420 p.

Lattimore O. Pivot of Asia: Sinkiang and the Inner Asian Frontiers of China and Russia. Boston, Little, Brown, 1950, 288 p.

Terzani T. Ein Herz nur gab Allah dem Menschen. *Der Spiegel*. 1983, Nr. 45, S. 211–229.

Qinding huangyu xiyu tuzhi [钦定皇舆西域图志]. Royally Approved Illustrated Description of Emperor's Western Region. Beijing, 1782, 48 juans.